

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 93/94; 316.75; 316.722

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3\(8\)-45-73](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3(8)-45-73)

Образы русского самосознания: история и культура

Зинаида Васильевна Сикевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация
sikevich@mail.ru

Аннотация. В статье подробно рассматриваются культурно-исторические предпосылки формирования национального самосознания в контексте его специфики, predetermined исторической судьбой народа, географическим положением государства и мировосприятием русских людей. Внимание фокусируется на трех основах становления этого феномена: «своей» вере, державности и жесткой этносоциальной дистанции с полюсами «мы» и «они». Отдельно анализируется динамика мифологемы «антизападничества», трансформации религиозного сознания, а также специфическое проявление толерантности, обусловленное не происхождением, а общим пространством расселения. Подчеркивается, что эти структурные элементы национального самосознания в различных формах существовали во все периоды российской государственности: от Древней Руси по настоящее время. Размышления автора иллюстрируются данными междисциплинарных социологических исследований, проведенных в период с 1995 по 2021 годы под руководством автора коллективом

лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Особенностью их изложения является анализ динамики мировосприятия и поведения людей под системным воздействием социальных и политических преобразований внешней среды.

Ключевые слова: национальное самосознание, религиозное сознание, толерантность, географический детерминизм, мировосприятие, мифологема, «антизападничество», этносоциальная дистанция, ценность, установка, выборка, контент-анализ

Для цитирования: Сикевич З.В. Образы русского самосознания: история и культура. Россия: общество, политика, история. 2023. №3(8). С. 45-73.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3\(8\)-45-73](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-3(8)-45-73)

Images of Russian Self-Consciousness: History and Culture

Zinaida V. Sikevich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg State University», Saint Petersburg, Russian Federation
sikevich@mail.ru

Abstract. The article examines in detail the cultural and historical prerequisites for the formation of national self-consciousness in the context of its specificity. Its specificity is predetermined by the historical destiny of the people, the geographical location of the state and the worldview of Russian people. Attention is focused on three bases of the formation of this phenomenon: “their” faith, power and rigid ethno-social distance with the poles “we” and “they”. The dynamics of the mythologeme of “anti-Westernism”, the transformation of religious consciousness, as well as the specific manifestation of tolerance, conditioned not by origin, but by the common space of settlement, are analyzed separately. It is emphasized that these structural elements of national self-consciousness in various forms existed in all periods of Russian statehood: from ancient Russia to the present. The author’s reflections are illustrated by the data of interdisciplinary sociological research conducted in the period from 1995 to 2021 under the guidance of the author by the team of the Laboratory of Ethnic Sociology and Psychology of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University. The peculiarity of their presentation is the analysis of the dynamics of people’s worldview and behavior under the systemic impact of social and political transformations of the external environment.

Keywords: national self-consciousness, religious consciousness, tolerance, geographical determinism, worldview, mythologeme, “anti-Westernism”, ethno-social distance, value, attitude, sampling, content analysis

For citation: Sikevich, Z.V. Images of Russian Self-Consciousness: History and Culture. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 3(8). pp. 45-73.

Введение

В своей интерпретации категории национального самосознания мы исходим из того, что в этом феномене на уровне ориентаций, предпочтений и стереотипов отражается образ жизни народа, его мировосприятие, нормы и ценности, представление о своей «самости» в некоторой шкале, соотносящей свой народ с другими народами. Изучая национальное самосознание той или иной общности, мы исследуем субъективацию этничности с акцентом на следующие структурные элементы:

- представление о консолидирующих и дифференцирующих признаках формирования группы;
- социально-психологические установки, выявляющие направленность этнических отношений на уровне системы модальных гетеростереотипов;
- социокультурные установки и оценки, выявляющие отношение к национальной истории и к отдельным элементам культуры, в частности, к языку, традициям и обычаям, которые в совокупности формируют тот или иной образ мировосприятия и социального поведения;
- систему модальных ценностей на уровне базовых предпочтений, обуславливающих социальное поведение.

Изучение национального самосознания носит междисциплинарный характер на пересечении истории, социологии и психологии, причем для формирования русского самосознания история, на наш взгляд, играет первостепенную роль, во многом предопределяя его достоинства и недостатки.

Материалы и методы исследования

Анализ изучаемого феномена опирается на серию социологических исследований, реализованных коллективом лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ под руководством автора статьи. Все перечисленные исследования за исключением последнего (см. ниже) проводились на выборке населения Санкт-Петербурга, таким образом, экстраполировать выводы в целом на русское население страны можно лишь с определенной осторожностью.

Во всех случаях использовалась квотная выборка. Критерии отбора – пол, возраст и уровень образования. После ремонта выборки в дальнейшем анализировались ответы только тех участников опроса, которые в ответе на вопрос «ваша национальность» назвали себя русскими. Инструментарий содержал эмпирические референты в форме закрытых, полузакрытых и открытых вопросов.

Объем выборки по годам проведения исследования: 1995 – 762 чел.; 2001 – 643 чел.; 2006 – 651 чел.; 2011 – 590 чел.; 2019 – 693 чел.; 2021 – 547 чел. (интернет-опрос)

Результаты исследования

История России как стержень национального самосознания

В определенном смысле этнополитическая история России — это история пространственного «расширения» первоначальной этнической территории восточнославянских племен на север и восток, где естественной преградой дальнейшему продвижению стали океаны — Северный Ледовитый и Тихий.

Не случайно в формировании исторического облика наших предков столь значимую роль сыграли *землепроходцы* (модальное для русского языка слово, которое отсутствует в лексике других европейских народов), калики перехожие, странники, казаки и прочие вольные люди, для которых наиболее естественной формой существования было не устройство Дома, а продолжение Пути.

По мысли Д. С. Лихачева (7, с.14), путь-дорога стала одним из национальных символов. В своей статье «О национальном характере

русских» он вспоминает «поразительный по верности» образ России как женщины, сидящей «при пути» в задумчивой позе, изображенный в иконе Максима Грека, приехавшего на Русь на рубеже XVI века. Д. С. Лихачев отмечает, что первая столица Руси — Киев — была основана на пути «из варяг в греки». На пути же были заложены Владимир и Смоленск, а Ярославль получил свое первоначальное значение как начало пути за Камень, т. е. за Урал. Иван Грозный собирался перенести столицу в Вологду, и только «дурная примета» остановила эту странную причуду. С точки зрения здравомыслия, еще «безумнее» стал перенос Петром столицы огромной сухопутной державы к началу морского пути в Европу — на клочок болотистой, только что отвоеванной у шведов земли, постоянно заливаемой морскими приливами. Это решение не имеет аналога в европейской истории, достаточно посмотреть на карту.

Не только исторические факты, но и *позтизация человека в пути* как в художественной литературе («Очарованный странник» Н.С. Лескова или поэма-странствие «Мертвые души» Н.В. Гоголя), так и в фольклоре («Не бойся дороги — были бы кони здоровы» или «Под лежащий камень вода не течет») в полной мере *отражают динамическую устремленность национального самосознания*.

Огромность русских земель издавна расценивалась историками и, в частности, в переписке Екатерины II с Вольтером, как причина особого политического развития государства, как важнейший психологический фактор, обуславливающий «власть пространства» над русским мировосприятием (об этом см. 2).

«Русская душа, — пишет Бердяев, — ушиблена ширию, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее». (1, с.58). Думается, что в этих словах содержится суть противоречий русского самосознания. «Безграничность шири» становится модальной ценностью со всеми ее плюсами и минусами, что, в частности, отражается в равнодушном отношении многих людей к природе (ее, образно говоря, много и поэтому «не жалко»).

Примечательно, что это восприятие страны сохраняется и в наши дни. Так, в ряде наших опросов, респонденты, отвечая на открытый вопрос, с чем именно у них ассоциируется слово «Россия», респонденты на первое место поставили именно пространство («огромная, «необъятная», «бескрайняя», «от Балтики до Тихого океана» и т. п.). Напомним, что

«пространство» и «страна» являются однокоренными понятиями. А это косвенно свидетельствует о том, что страна исторически воспринимается именно в пространственном смысле, что отразилось и в языке.

Не случайно возвращение Крыма в состав РФ респондентами также оценивалось в контексте территориального расширения государства (2019 год), в частности, «это наша земля», «наконец мы возвращаем территории, а не теряем», «после развала страны хоть что-то вернули» (из ответов на открытые вопросы). Так что *идея географического детерминизма*, которая сегодня разделяется далеко не всеми историками и социологами, во всяком случае, для России в сознании ее граждан явно устаревшей или «антинаучной» не представляется.

Примечательно то, что еще до возникновения древнерусского государства началось продвижение прародичей русских на восток, причем славянская культура была освоена десятками неславянских этнических групп (в частности, балтами, финно-угорскими племенами меря, мурома, водь, весь и другими).

Таким образом, еще на заре *исторического бытия в формировании древнерусского народа участвовали далеко не одни славяне*. Позже пестрый состав первоначальной общности дополнили еще и варяги, - княжеские дружинники, осевшие на Руси. Центрами, где в тот период происходило взаимодействием различных этносов и складывалась *смешанная этническая среда*, стали большие города, которых для того времени на Руси было немало (отсюда скандинавское название Руси — «Гардарика, т. е. страна городов»). В частности, таким полиэтническим центром стал Великий Новгород. Словенский и Людин конец заселяли славяне, в Неревском жили меря, на Прусской улице выходцы из Прибалтики — пруссы, по чуди звалась Чудинцева улица и Чудское озеро.

О чем косвенно говорят эти исторические факты? Как свидетельствует «Повесть временных лет», выражаясь современным языком, *толерантность распространялась не только на людей «своей» крови*: летопись знает «своих» поганых — ковуев, берендеев, торков, черных клобуков, признавших власть Киева, и «чужих» поганых — печенегов и половцев. Таким образом, уже в то время существовала *неосознаваемая этносоциальная дистанция с полюсами «мы» и «не-мы»*, причем важно, что к своим относили по признаку общей судьбы, а не происхождения.

Практически неосознаваемая готовность принять людей иного этнического происхождения в состав «своих» наряду с географическим детерминизмом — еще одна специфическая черта национального самосознания.

Об этом, в частности, свидетельствует заметное отличие от колонизации испанцами земель инков, ацтеков и майя — включение в Московию земель сибирских «аборигенов» осуществлялось не «огнем и мечом», а в «комплиментарном контексте» (4, с.81). В известном смысле освоение Сибири строилось не на образе «мы» и «они», а «мы» и «вы».

Насколько эта традиция сохранилась в пору существования Российской империи, которая прирастала в основном с юга и с запада, вбирая в свои пределы уже численно более крупные народы, некоторые из числа которых имели собственную государственность? Какой же империей была Россия? До того, как мы обратимся к национальной истории этого периода, надо понять его специфику, которая, безусловно, была и оказала самое непосредственное влияние на формирование национального самосознания титульного народа государства.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона за 1896 год в статье «Россия» на ста страницах подробнейшим образом описывается пространство империи. Между тем «племенному составу» населения отводится всего 22 строчки, причем данные о численности «племен» приблизительны даже по европейской части России и составляют на 100 жителей «72,5 русских, 6,6 финнов, 6,3 поляка и т. д. Обращает внимание отсутствие в составе «племен» — украинцев и белорусов.

Обращение к энциклопедии далеко не случайно, ибо любая энциклопедия отражает вольно или невольно не только научные, но и обыденные представления своего времени, косвенно указывая на суть национальной политики. Ясно, что *этническая принадлежность подданных не играла сколько-нибудь значительной роли в их жизни* — значительно подробнее даны сведения о вероисповедании и сословной принадлежности населения империи. С одной стороны, возможно, это и ущемляло национальные чувства, но зато *не давало никакого преимущества титульной национальности — русским*, которые никак не страдали «великодержавным шовинизмом», в чем их обвинял В.И. Ленин (6, с. 210)

«Бархатная книга» русского дворянства чуть ли не наполовину состояла из немецких баронов, польских графов, кавказских князей, даже потомков ханов Золотой Орды, как например светлейший князь Ф. Юсупов — участник убийства Распутина. Генерал П. Багратион, грузин по национальности, числится в ряду наиболее известных русских полководцев. Будущий президент Финляндии барон К. Маннергейм первоначально командовал одним из русских гвардейских полков. Таких примеров не счесть.

При всей реальной дискриминации еврейского населения («черта оседлости», 5% норма при поступлении в университеты), на евреев, принявших православие, так называемых выкрестов, поражение в правах не распространялось.

Русские полки спасли грузин и армян от полного истребления турками, а уже в конце XIX века — казахские роды Среднего и Младшего жузов защитили от джунгаров. Борис Годунов, которому армяне в благодарность за покровительство преподнесли алмазный трон, был из рода татарских мурз, о чем упоминает А.С. Пушкин в своей одноименной трагедии. Грузинский царь Георгий XII, умирая и не имея прямых наследников мужского пола, завещал свою страну Павлу I, который, после немалых колебаний, согласился принять единоверцев под «свою руку». В народном ополчении Минина и Пожарского было немало чувашей, татар. Переселявшиеся в Россию при Екатерине II на земли Новороссии чехи и немцы получали земельные наделы бесплатно и пользовались значительными льготами, в частности - они не призывались в армию. Известно, что Александр III ввел в школах Эстляндии и Лифляндии обучение на эстонском и латышском языках вопреки противодействию местных немецких баронов — потомков рыцарей Тевтонского ордена.

Еще примечательнее широкая автономия Финляндии, которая вошла в состав империи в результате русско-шведской войны 1808–1809 годов. Постепенно «великое княжество Финляндское» приобрело самостоятельную структуру управления (четырёхсословный сейм, наряду с русским два государственных языка — финский и шведский, собственную полицию и особую систему налогообложения). На ее территории одновременно с рублем имела хождение финская марка, а служба в российской армии была добровольной. Если использовать современную терминологию, можно сказать, что Финляндия находилась с Россией в конфедеративных

отношениях, тем более имея в виду то, что эта «колония» получила парламент на полвека раньше, чем «самодержавная» метрополия.

Вместе с тем, показательна история вхождения в состав империи Левобережной Украины. В 1654 году в Переяславле собравшаяся рада запорожских казаков поддержала политику присоединения к Москве: «Волим под царя московского, православного». Присягая русскому государю, они потребовали, чтобы и царь со своей стороны присягнул в сохранении казачьих вольностей. Бутурлин, представлявший Алексея Михайловича, это требование отверг, заявив, что у нас «не повелось, чтобы цари поданным присягали, а вольности ваши соблюдены будут». Однако в правление Екатерины II после завоевания Крыма и присоединения Новороссии надобность в их службе отпала, Запорожская Сечь была распущена, а Малороссия превратилась в обычную русскую провинцию, местное дворянство частично ополячилось, частично обрусело, и к концу XIX века в «племенном составе» империи малороссы уже вовсе отсутствуют.

Этот пример хорошо показывает, сколь *противоречивой была национальная политика в России, которая, с одной стороны, распространяла национальное «мы» на нерусских подданных империи, но, с другой стороны, способствовала их ассимиляции, растворению, что в первую очередь коснулось народов, родственных русским.* Нельзя не понимать, что национальная политика всегда формирует посредством системы ценностей самосознание своих подданных (граждан), это было в прошлом, сохраняется и поныне.

После распада Польши Екатерина II отказалась применять в переписке с Вольтером название этой страны и принять польскую корону на том основании, что во владениях России нет ни пяди польской земли, все это — исконно русские территории. Как история роспуска Запорожской сечи, так и отношение к польским землям как к «исконно своим» не могло не повлиять на взаимоотношения между русскими, с одной стороны, и украинцами с поляками, с другой стороны.

Интересен и Кавказский аспект: после пленения судьба имама Шамиля обернулась для него, ожидавшего чуть ли не казни, неожиданным образом. Его поселили в Калуге со всем семейством, назначили пенсию в 15 000 руб. серебром в год, а старший сын Магомед Шали был принят на службу в личный конвой императора. В годы Первой мировой войны из числа

кавказских горцев была сформирована так называемая «Дикая дивизия», храбро сражавшаяся под девизом «Честность и верность!» (об этом см. 3).

Противоречия национальной политики периода империи трудно объяснить, если не принимать во внимание идеологическую основу российской государственности. *Идея державности — а это, в известном смысле, модальная ценность русского самосознания — всегда трактовалась как забота о ее пространственном и военном величии.*

Потому-то «собираение земель», сначала своих, отправших в годы удельной раздробленности и татаро-монгольского владычества, а позже и «чужих», для каждого русского государя всегда было задачей первостепенной важности, ради решения которой можно было пожертвовать даже благополучием своих подданных.

Так называемая уваровская триада «Православие, самодержавие, народность» устанавливала преемственность с прежней эпохой («русская вера» и освященная ею форма правления), идеологическая новация в виде принципа народности должна была провозгласить перспективу формирования государства-нации на основе единого вероисповедания и лояльности монарху.

Идеология империи напрямую соотносится с ядром национальной политики России. По сути, в уваровской триаде содержалось особое представление об идентичности: не только тезис «если ты — русский, значит православный», но и «если ты православный — значит русский». Таким образом, речь шла о *формировании государственного национализма на религиозной, а не этнической основе.*

Символика державности деления по этническому принципу не предусматривала, - своеобразным образом она преломилась в *доктрине славянофильства (панславизма)*. Эта идеология зародилась в середине XIX века как постепенно формировавшаяся в кругу образованного общества негативная реакция на внедрение Петром западных ценностей.

Вспоминая об исконной самобытности, в поисках национального «лица», теоретики движения (Аксаков, братья Киреевские, Тютчев, Даль, Достоевский) противопоставляли славянство «больной» и «кичливой» Европе.

Первоначально доминировал культурный аспект славянского единства. В первой половине века почти одновременно появились пушкинские «Сказка

о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Руслан и Людмила» и, что особенно знаменательно, «Песни западных славян». Все эти произведения, вошедшие в золотой фонд русской поэзии, написаны на основе не только русского, но и славянского фольклора.

В этот же период появляется «Собрание народных песен» Киреевского и «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля.

Идея панславизма в славянских землях воспринималась как предстоящее объединение славян на основе языковой и культурной близости. Национальные символы объединяют традиционные славянские цвета — белый, красный и синий.

И в государственной политике, и в быденном сознании укрепился стереотип — представление о том, что за пределами России лежат земли, по праву нам принадлежащие, потому что на них живут славяне. *В идеях панславизма отразились все противоречия национальной политики России.*

С одной стороны, в этом стремлении выразилось осознание кровной близости всех славянских народов на основе общности языка, культуры и традиций, желание прервать «национальное одиночество». Известные просветители чех Домбровский, словаки Коллар и Шафарик, серб Караджич были рьяными поборниками панславизма, причем особую остроту этим ожиданиям придавали тягость османского (Болгария, Сербия, Черногория) и австрийского господства (Хорватия, Словения, Чехия, Словакия).

С другой стороны, «свои» братья-славяне в перспективе должны были пополнить число подданных России — матери всех славянских народов. В определенном смысле *идеи панславизма — это все то же «собрание» земель и расширение государственного пространства.*

Вероятно, именно поэтому «европейцы» Маркс и Энгельс были яркими противниками панславизма и не скрывали своей русофобии. Вот характерное для Маркса высказывание о русских: «Московия была воспитана в гнусной школе монгольского рабства, она усилилась только благодаря тому, что стала виртуозной в искусстве рабства... Петр Великий сочетал политическое умение монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингиз-хан завещал свой план завоевания мира». (5)

После почти векового забвения панславизм возродился уже в нашем веке как противовес «универсальным» ценностям Запада. После учредительного

Славянского собора в Праге (2001 год) последний по времени съезд состоялся в Софии под многозначительным названием «Славянская духовность и национальная идентичность». (2017 год).

Сегодня идея принадлежности к славянам в русском самосознании явно «поблекла». В исследовании 2019 года принадлежность к славянам /4,1/ заняла последнее ранговое место после (в порядке предпочтения) этнической /1,4/, гражданской /1,8/, региональной /2,7/ и конфессиональной /3,9/ идентичности.

За двухсотлетнюю историю своего существования Российская империя всегда заметно отличалась от других мировых империй. Специфика ее сохранилась и в период советской власти, а частично и в современный период существования России. Перечислим, с нашей точки зрения, *важнейшие черты российской государственности, которые непосредственно отразились в национальном самосознании русских.*

1. В отличие от Великобритании, Франции, Австро-Венгрии или Османской империи с четким делением на метрополию и колонии, *Россия в своем историческом развитии никогда не сводилась к конгломерату территорий, удерживаемых одной лишь силой центральной власти.* Обнаружение границ метрополии всегда представлялось затруднительным ввиду смешанного расселения народов России, что впоследствии стало причиной волюнтаристского определения границ РСФСР, перешедших по наследству к РФ.

Не вызывает сомнения, в частности, то, что граница между РФ и Украиной носит условный и с самого начала потенциально конфликтогенный характер, так как по обе стороны от нее живут и русские, и украинцы, которые вследствие институциональной манипуляции никак не могут разобраться - то ли они - один народ, то ли разные народы.

Конечно, западные интриги никак нельзя сбрасывать со счетов: еще с середины XIX века в австрийской Галиции и полонизированной Волыни и Подолии велась, довольно успешно, антирусская пропаганда. Однако так называемые «горячие» границы также не следует игнорировать в нарастающем формировании межэтнической дистанции. Не стоит закрывать глаза и на то, что развитию конфликта способствовало проведение условных границ между РСФСР и УССР, обоснованное идеологическими

соображениями, вследствие чего территории Новороссии оказались в составе советской Украины, а после распада Союзного государства «перекочевали» в независимую Украину.

2. Россия никогда *не была русским государством*, уже на заре своего существования в период Киевской Руси она представляла собой полиэтническое образование и, развиваясь, продолжала отторгать модель национального государства, наиболее распространенную в современном мире. Именно поэтому и в советское время была внедрена модель национально-территориальная федерации, сохранившаяся и в наше время и нетипичная для большинства современных государств.
3. В нашей стране, и это еще одно отличие от других мировых империй, титульный народ (*русские*) *всегда составлял национальное большинство не только в правовом, но и в количественном отношении*, численно, причем существенно, преобладая над другими народами империи. Эта же тенденция сохранилась и в СССР, когда в демографических данных украинцы и белорусы стали фигурировать в качестве отдельных народов. По переписи 1989 года русских в СССР было 51,8%, в настоящее время численность русских в России составляет 73,8%.
4. *Особенностью формирования русской нации* стало то, что в отличие от французской или германской наций *в этом процессе участвовали вовсе не родственные этнические группы, а далекие по расовым, антропологическим и культурным признакам народы, объединенные, прежде всего, пространством — географией своего расселения*. Все это заложило основы национального самосознания русских уже в XX веке.

Примечательно, что такое восприятие своей национальности существует и на уровне массового сознания. Так, в исследовании 2019 года респонденту предлагалось указать не только свою этническую принадлежность, но и национальность родителей. Примерно в 5% случаев участник опроса определял себя как русского, хотя имел родителей других национальностей (в частности, отец – кореец, мать – бурятка, я – русский; отец – грек, мать – еврейка, я – русский). Иными словами, для русского человека *национальность – это не кровная принадлежность, а собственный выбор судьбы*.

Динамика русского самосознания

Каким же образом все эти исторические предпосылки повлияли на формирование русского самосознания? На наш взгляд, его тремя базовыми опорами его всегда были «своя» игра, этносоциальная дистанция, державность.

1. «Своя» вера

Если веру трактовать в более широком смысле, чем религиозное сознание, то в советскую эпоху «своей» верой стала в самом общем виде вера в светлое коммунистическое будущее и эффективность советского строя, когда «от каждого будет по способности и каждому по потребности», что в лапидарной форме напоминает мечты Емели из сказки «По щучьему велению, по моему хотенью», пожелавшего жить в стране с молочными реками и кисельными берегами.

В исследовании 2011 года в ходе беседы интервьюер попросил назвать самых «русских», по мнению респондентов, героев русской литературы.

Самым «русским» героем национального фольклора оказался Илья Муромец – защитник земли Русской, богатырь, в былинной форме воплощающий в себе неосознаваемые этатические ориентации наших современников (35,6%). Тем не менее, стоит напомнить о том, что Илья до 33 лет «недужил» и лежал на печи, а слез он с нее только тогда, когда «вороги» подошли к порогу родного дома. Так что этот герой, как это и не странно, вполне соответствует коллективным представлениям о «русскости» («пока гром не грянет, мужик не перекрестится»).

Примерно равное число «сторонников», каждый пятый из числа опрошенных у Иванушки – дурачка (20,8%) и у Емели (20,3%), который является фольклорным воплощением так называемой «халявы». Так что, если сюда еще присовокупить Обломова с Остапом Бендером (26,2% и 24,3% соответственно), перед нами предстает вполне прозрачная конструкция ценностных установок, которая в своем ядре действительно отражает какие-то неуловимые черточки «русской души».

В постсоветское время *возрождается и традиционная вера*, которая сегодня приобрела характер внешней религиозности, а это не далеко не одно и то же (9, с. 80-92). В ходе интернет-опроса 2021 года верующими

себя назвали 54,0% респондентов, неверующими – 18,8% участников опроса и 27,2% респондентов от внятного ответа вообще уклонились. Если принять число тех, кто назвал себя верующими, за 100%, выясняется, что подавляющее большинство из них (80,8%) считает достаточным для «демонстрации» религиозной принадлежности посещать храм только по большим праздникам (Пасха, Рождество). А 72,1% не считает обязательным поститься, больше половины 54,2% полагает, что ходить в церковь вообще не обязательно, 53,3%, считая себя верующими, верит в приметы и гороскопы. На наш взгляд, что подтверждается иными данными этого исследования, - сегодня православная религиозность, хоть прочно и вошла в ядро национального самосознания русских, однако выполняет в большей мере демонстрационную, а не духовную функцию принадлежности к русскому народу. Именно в таком контексте она интерпретируется в первую очередь молодежью.

2. Этносоциальная дистанция по шкале «мы» и «они», которая, трансформируясь, но с несколько иным содержанием сохраняется во все периоды национальной истории и формирования национального самосознания.

Если в Российской империи эта шкала, прежде всего, носила характер религиозного неприятия (мы – православные, они – нехристи /на уровне массового сознания сюда включались и католики с лютеранами/), то в СССР ее сменила дистанция между советскими людьми и людьми несоветскими или даже антисоветскими.

Сегодня последних сменил так называемый «коллективный Запад», причем представление об этом прочно утвердилось в массовом сознании (10, с. 78-97). Как показывают данные интернет-опроса, проводившегося коллективом исследователей под руководством автора, еще до начала СВО главным врагом России респонденты сочли США.

Для оценки дистанции по шкале «мы» и «они» были предложены 12 государств, которые предлагалось расположить по степени близости (симпатии) и удаленности (антипатии), исходя из того, что 1 ранг – ближе всего и 12 – дальше всего. Наиболее «удалены» оказались Украина (10,2 ранга), Франция (10,7), США (11,5).

В исследовании 2011 года респондентам была предложена для оценки дилемма, чем является Запад для России и чем Россия для Запада

(применялся ассоциативный метод с последующим контент-анализом свободных характеристик).

Таблица 1. Модальное представление по оппозиции «Россия для Запада» и «Запад для России» (в %)³⁶

Table 1. Modal representation of the opposition «Russia for the West» and «West for Russia» (%)

Россия для Запада – это (модальные ответы и % от числа опрошенных)		Запад для России – это (модальные ответы и % от числа опрошенных)	
Сырьевая база	19,5	Враг	14,0
Дойная корова	9,8	Экономический ориентир	13,1
Загадка	6,5	Денежный мешок	11,5
Кормушка	5,6	Плохой пример для подражания	8,5
Помойка, свалка	5,0	Школа жизни	5,3

В данных таблицы стоит обратить внимание на то, что участники опроса не воспринимают свою страну в качестве врага Запада, в то время как представление о том, что Запад для России – враг, занимает первое ранговое место. Примечательно и то, что считают Запад «школой жизни» для нас исключительно респонденты моложе 25 лет (ср. до 25 лет – 12,8%, старше 60 лет – 3,5%). Не менее важно и то, что это мнение сложилось за 8 лет до начала проведения СВО, что свидетельствует об устойчивости идеологии «антизападничества».

Прогрессирующую тенденцию «антизападничества» на уровне массового сознания убедительно демонстрируют и следующие данные.

Таблица 2. Оценка отношения Запада к России (в %)³⁷

Table 2. West's attitude towards Russia Assessment (%)

	1995	2001	2006	2011	2019
В интересах Запада России помочь	34.7	28.8	26.9	21.0	15.2
В интересах Запада Россию ослабить	65.3	71.2	73.1	79.0	84.8

³⁶ Составлено автором.

³⁷ Составлено автором.

Как мы видим, даже в 1990-е годы, когда культивировались иллюзии насчет партнерских равноправных отношений с западным миром, две трети участников опроса скептически относились к этим идеям. Можно предположить, что этот скептицизм отражает на уровне рефлексии исторически сложившееся традиционное недоверие к Западу. За 24 года число «доверчивых» уменьшилось более чем вдвое.

Характерно, что не только государство (США), но и представитель его народа (американец) воспринимается как полный антипод русского человека. В исследовании 2005 года респондентам предлагалось отметить 5 качеств из предлагаемого списка 20 фразеологических характеристик, которые они считают наиболее типичными для русских и американцев. Ниже представлены наиболее частотные фразеологизмы.

Русский – «мастер на все руки» (23,0%), «душа нараспашку» (21,1%), «несет свой крест» (15,9%), «болеет душой» (12,6%) и «ждет у моря погоды» (10,3%).

Американец – «себе на уме» (28,2%), «знает себе цену» (22,5%), «берет быка за рога» (13,0%), «в каждой бочке затычка» и «тертый калач» (по 11,8%).

3. Державность, выражающаяся, прежде всего, в пространственном и военном величии государства как страны и как Родины

На наш взгляд, эта идеологема, первоначально заложенная при Иване Грозном и преобразованная Петром Великим, сегодня составляет стержень национального самосознания русских (причем русских в широком смысле, не «по крови», а по выбору судьбы).

Для подтверждения этой мысли обратимся к нескольким исследованиям, которые в разные годы проводились коллективом лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ под руководством автора (1995 и 2019).

Историческая память составляет важную опору национального самосознания. Сегодня, как представляется, именно история выполняет своего рода «защитную» функцию, не только сохраняющую позитивную этническую идентичность на групповом уровне, но и способствующую формированию национального самосознания.

Для выяснения содержания исторических образов, объединяющих

людей, в оба наших исследования были включены вопросы открытого типа, не предусматривающие вариантов ответа. Участникам опроса предлагалось назвать исторические события и деятелей российской истории, вызывающих лично у них чувство гордости (иными словами, положительные эмоции), а также события и деятелей, вызывающих чувство стыда (отрицательные эмоции).

Примечательно, что уклонились от содержательных ответов менее 5% участников опроса, что косвенно свидетельствует об интересе россиян к отечественной истории.

Представления об отечественной истории, актуализированные в памяти участников опроса, явственно отражают державные установки респондентов. Они гордятся величием, мощью своей страны, территориальными приобретениями, стыдятся проигранных войн, потери статуса великой державы в 90-е годы XX века.

Так, 51,8% ответов по разделу событий, вызывающих чувство гордости у респондентов, в 2019 году и 54,2% - в 1995 году – это перечисление фактически всех более или менее известных победоносных войн, которые вела Россия на протяжении своей многовековой истории.

Обратимся к *дореволюционной России*. Здесь по своей численности существенно опережают другие ответы *события, связанные с эпохой Петра I* («реформы», «правление», «строительство флота», «окно в Европу»), *правлением других императоров*, прежде всего Екатерины II и Александра II, а также *военные победы*, начиная с Куликовской битвы до победы над Наполеоном. Последняя упоминается чаще других, но среди ответов есть и мифический «щит Олега на вратах Царьграда», и «Полтавская битва» и все три русско-турецких войны.

Совершенно очевидно, что *дореволюционное прошлое подпитывают великодержавные чувства* определенной части участников опроса, не случайно 3,3% в 2019 года и 1,7% в 1995 года, не «размениваясь» на события, так и написали «Российская империя» и «вся история до революции».

В советской истории с заметным отрывом доминирует Великая Отечественная война и ее отдельные эпизоды, в частности, Сталинградская и Курская битвы, взятие Берлина, оборона Москвы, снятие блокады и т.п.

Отечественную войну или ее отдельные эпизоды назвала почти половина опрошенных петербуржцев, именно за счет войны и складывается

приоритет советской истории. За исключением «полета Гагарина» а также общего упоминания «научных достижений», формулировка остальных событий косвенно отражает все ту же державную интерпретацию советского периода.

Случайно ли преобладает военизированная лексика, например, «покорение целины», «подвиг Паши Ангелиной», «подвиг стахановцев», «трудовые подвиги простых людей», «на Северном полюсе первым всплыл наш атомный флот» и т.п. (исследование 1995 года).

О чем это говорит? Прежде всего, о направленности национального самосознания. Именно национального, а не этнического, потому что в этом случае речь идет о *государственной* истории, а не о духовной истории народа, которая образует ядро этнической идентичности.

Если обратиться к ретроспективе наших исследований исторического сознания русских, то поражает почти полное отсутствие динамики: за 24 года содержание переживаний по поводу исторических событий изменилось незначительно. *Самый важный критерий отбора – события в пользу закрепления идеологемы «державности» сохраняется во всех опросах с 1995 года, причем у всех возрастных групп.*

Изменилось только одно. Если в исследованиях 1995 года события, связанные с Октябрем, занимали второе после Великой Отечественной войны место в ряду событий, вызывающих положительное чувство, то в исследовании 2019 года всего лишь четверо петербуржцев вспомнили о революции, причем все они старше 60 лет.

Относительно событий, вызывающих *негативные эмоции*, практически отсутствует дореволюционная история (8,6% - главным образом, за счет крепостного права и проигранной русско-японской войны), советская и современная история представлены примерно равными долями (соответственно 45,6% и 45,8%).

Численный приоритет советской истории строится главным образом за счет *единственного события* – Великой Отечественной войны, в то время как положительные события истории до 1917 года не только многочисленнее, но они и более равномерно распределены по двум столетиям периода империи, не говоря уже о том, что включают отдельные события времен Московского царства и даже Древней Руси.

Наибольшее отвержение вызывают сталинские репрессии в целом, а также, в частности, ГУЛАГ и расстрел царской семьи. Обращает внимание,

что эти события указывают почти исключительно мужчины, относящиеся к возрастным группам 50-59 лет и старше 60 лет, имеющие высшее образование

У каждого пятого из числа опрошенных петербуржцев негативные эмоции вызывает распад СССР, причем симптоматично, что значительно чаще используется оценочное понятие «развал» или «разрушение», а не нейтральное «распад». Обращает внимание, что это событие указывается почти в равной мере представителями разных поколений, включая самых молодых, которые либо уже родились после этого события, либо в 1991 году были совсем маленькими детьми. Почему?

Ответ напрашивается сам собой: именно *распад СССР, как ни одно другое событие, ущемляет национальное самосознание русского человека*. Уход республик до сих пор у многих вызывает чувство обиды и даже недоумения. Характерно, что схожие данные были получены нами в 2006 году в ходе реализации проекта по взаимному восприятию русских, украинцев и белорусов в связи с 15-летием подписания Беловежских соглашений.

Сталинские репрессии присутствуют в списке негативных событий во всех исследованиях, начиная с 1995 года. Стоит, однако, обратить внимание на то, что число респондентов, со «стыдом» вспоминающих этот факт отечественной истории, сокращается (1995 – 41,1%; 2001 – 35,2%; 2005 – 28,5%; 2019 – 17,2%). Как мы видим, сокращение — это существенное и, на мой взгляд, косвенно отражает частичную «реабилитацию» сталинского периода истории СССР.

По сравнению с предыдущими опросами значительно реже вспоминается чеченская война (в 2019 году – 3,7%, сравни в 1995 году – 11,0%). Ушла из памяти война в Афганистане (1995 год – 7% респондентов, 2019 год – 1,9%).

Заметнее всего изменилось отношение к периоду революции и гражданской войны. В опросе 1995 года и даже 2001 года революция упоминалась довольно часто как в положительном, так и в отрицательном смысле (около 10% респондентов включали ее в свой исторический образ). Сегодня эти события слабо актуализированы в памяти, а если и вспоминаются, то исключительно с негативной оценкой (так, 4% респондентов, преимущественно молодых мужчин, причислили Гражданскую войну к событиям, вызывающим чувство стыда).

Не менее интересные факты, вызывающие неоднозначное толкование, получены в связи с вопросом, касающимся *имен исторических деятелей*

России, которые сыграли в ее истории положительную и отрицательную роль

Посмотрим, за счет кого строится эта, вызывающая, как позитивные, так и негативные эмоции, плеяда (см. табл. 3).

Таблица 3. Модальные исторические личности (2019) (не менее 10% респондентов)³⁸

Table 3. Modal historical personalities (2019) (with more than 10% of respondents)

Вызывают положительные чувства	%	Вызывают отрицательные чувства	%
Петр I	66,6	Ельцин	46,5
Александр I	22,9	Горбачев	32,5
Екатерина II	16,8	Иван Грозный	29,8
Сталин	16,0	Ленин	20,9
Столыпин	14,7	Берия	22,8
Жуков	13,5	Хрущев	14,9
Кутузов	10,0	Брежнев	12,5
Суворов	10,0	Сталин	10,0

В числе иных исторических личностей, названных меньшим числом участников опроса, упоминались в качестве вызывающих чувство гордости:

Во-первых, *главы Российского государства* в разные эпохи его существования, в частности, еще Рюрик, князь Владимир, Иван Грозный, Павел I, Александр III, Николай II, Брежнев.

Во-вторых, *военачальники*, в частности Александр Невский, Нахимов, Ушаков, Крузенштерн, Корнилов, Колчак, Буденный, Рокоссовский.

В-третьих, *политические деятели*, в частности Витте, Меншиков, Нарышкин, Троцкий, Бухарин, Киров и др.

В совокупности все они вместе с теми, кто включен в таблицу, составляют почти две трети ответов по этому вопросу (62,7%). На долю деятелей культуры и науки остается вдвое меньшее число, что лишний раз свидетельствует о державной направленности исторического самосознания.

Нельзя обойти молчанием *четвертое место Сталина* в ряду исторических деятелей, вызывающих положительные эмоции. В их числе

38 Составлено автором

почти три четверти (71,2%) молодых мужчин (возрастная группа 18 - 29 лет) как со средним, так и незаконченным высшим образованием. Еще около 20% - это люди старше 60 лет, примерно в равной мере мужчины, и женщины.

Примечательно, что Ленин как в ряду деятелей, вызывающих как положительные, так и отрицательные эмоции, упоминается значительно реже (соответственно 3,7% и 6,1%), причем исключительно представителями возрастной группы старше 60 лет. Отсюда следует очевидный вывод: Сталин привлекает молодежь – вовсе не как верный ученик Ленина и продолжатель его «дела».

Вот некоторые комментарии к выбору этой персоналии:

«При Сталине был порядок и нас в мире уважали»

«Сталин выиграл войну»

«Сталин бы всех олигархов к стенке поставил» (пенсионер, 69 лет)

По нашему мнению, во-первых, Сталин воспринимается как опора державности, времени «когда нас «все боялись» (студент, 19 лет). Во-вторых, Сталин представляется гарантом стабильности и уверенности в завтрашнем дне (какими средствами эта «стабильность» достигалась, молодежь не знает или закрывает на это глаза). В-третьих, кампания десталинизации всегда носила фрагментарный и непоследовательный характер и поэтому молодежь, скептически настроенную к любым «кампаниям», идущим сверху, мало в чем убеждает.

Примечательно, что не только в исследовании 1995 года, но и 2005 года, Сталин *ни у кого симпатии не вызвал*.

Итак, можно констатировать, что *историческая память как элемент национальной консолидации, несмотря на некоторые внутренние противоречия слабо подвержена временной динамике и отражает один из важнейших стержней национального самосознания – идеологию державности*.

Выводы

Подведем основные выводы наших размышлений:

- *Россия – не Европа, и не Азия, а Евразия* в экзистенциальном смысле. Поэтому русских нельзя причислить ни к европейцам, ни к азиатам, это совершенно отдельная цивилизация, сочетающая

в себе черты самых разных народов и культур. Эта концепция получила окончательное завершение в первой трети XX века в философии евразийцев (Трубецкого, Вернадского и др.), но сходные мысли обнаруживаются уже в XIX веке в работах В. Ключевского и В. Соловьева. Нельзя не заметить, что эта идея сегодня превратилась в популярную идеологию, которая объединяет современных русских мыслителей и политиков независимо от их идеологических воззрений. Подкрепляет ее фактическое «исключение» России и русской культуры из ареала европейского мира. Иными словами, и национальное самосознание носит как, условно говоря, «европейские», так и «азиатские» черты. К последним можно отнести ценностную установку «патернализма» - восприятие государства и, прежде всего, его главы как «отца народа», который должен радеть о своих «детях» - гражданах.

- *Национальное самосознание детерминировано своим пространством*, которое не только способствует открытости русского человека, но одновременно и порабощает его. Поэтому главным является размах, территория и ресурсы; что же касается всего прочего, это вторично и менее существенно. «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли. Та же безграничность, устремленность в бесконечность, широта» (Н. Бердяев). Географический детерминизм национального самосознания отражает и русский язык. Россия – это «державка», «сверхдержавка», «великая державка», в то время как европейские страны, значительно превышающие Россию по уровню и качеству жизни такие, к примеру, как Бельгия, Швеция или Австрия, никто из русских, причем интуитивно, не вполне осознанно, державкой не назовет. Именно поэтому призыв либералов эпохи перестройки стать «нормальным государством», массовым сознанием (по данным исследований) воспринимался чуть ли не как национальное оскорбление. А распад СССР, судя по результатам исследований, интерпретируется, в первую очередь, как сжатие исторически освоенного пространства. Именно поэтому возвращение Крыма в состав Российского государства вызвало

практически единодушное одобрение не за счет прекрасной природы, курортов или даже героического образа Севастополя, а за счет «приращения» нашей земли.

- Начиная с XIX века, русские философы, в первую очередь - православной ориентации, такие как Владимир Соловьев или Константин Розанов, *противопоставляли «русскую» духовность, нестяжательство «европейской» материальности, приземленности и меркантильности*. В этом они опирались на культурную традицию («бедность не порок»), и действительное пренебрежение бытом, благоустроенностью, которое существовало у многих, даже состоятельных людей. Примечательно, что уже в годы советской власти, несмотря на материалистическую идеологию, реальная пропаганда фактически воспроизводила ту же установку, уже в атеистическом оформлении: «для строителя коммунизма» быт и материальное благополучие должны отходить на второй план». Молодежное «потребительство» и «вещизм» осмеивались и противопоставлялись положительному примеру тех романтиков, которым достаточно «тумана и запаха тайги», как в популярной туристской песне. Несмотря на то, что эта мифологема сегодня, особенно у младших возрастных группах, преодолена, - в массовом сознании, судя по данным исследования, все еще закреплена негативная оценка богатства, которую емко выражает русская пословица: «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Обратимся вновь к языку, в котором существует емкое слово «достаток» (это не богатство, а тот уровень материального благополучия, который представляется «достаточным» для положительной оценки своей жизни).
- *Русское национальное самосознание, образно говоря, многослойно*. В его ценностях и мировосприятии присутствуют, по меньшей мере, три слоя: дореволюционный, с его патриархальными традициями и обычаями, с верой в «доброту царя», что выражается в патерналистской установке, о которой говорилось выше, советский, уже с новыми традициями, искусно выстроенными на основе прежних, только в ином идеологическом обрамлении, и постсоветский, наиболее противоречивый,

вместивший в себя весь спектр идей от западного либерализма до возврата к исконной традиции и отвержения рецептов девяностых годов, щедро предлагаемых различного рода западными фондами и агентами влияния.

- На мой взгляд, уместно закончить этот экскурс в прошлое и настоящее русского самосознания словами русского психолога Г. Шпета: «я – русский, потому что чувствую себя русским». В этой мысли, как в капле воды, отражается суть русского мировосприятия с его исторически сложившейся терпимостью к другим народам и культурам. Думается, что это наиболее важное и сегодня как никогда востребованное свойство русского человека.

Список источников

1. Бердяев Н.А. (2000), Русская идея [Russian Idea]. М.: Шевчук. 540 с.
2. Вольтер: про и контра, антология [Voltaire: pro and contra, an anthology] (2013): Сост., вступ. статья, коммент. А.А. Златопольской. СПб.: РХГА, «Русский путь» (Раздел: Вольтер и русская Семирамида).
3. Гордин Я.А. (2021), Русский человек и Кавказ. Триста лет войны и мира [Russian man and the Caucasus. Three hundred years of war and peace]. М.: ИГ Лениздат. 624 с.
4. Гумилев Л.Н. (2013), От Руси к России [From Rus' to Russia]. М.: Эксмо. 384 с.
5. Котов В.Н. (1963), К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русском народе [K.Marx and F.Engels about Russia and the Russian people]. М.: Знание. 66 с.
6. Ленин В.И. (1970), Полное собрание сочинений [Complete Collection of Works]. Т. 45. М.: Издательство политической литературы. С. 210.
7. Лихачев Д.С. (1990), О национальном характере русских [On the National Character of Russians]. Вопросы философии. № 4. С. 14.
8. Сикевич З.В. (2012), Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society]. СПб.: Изд-во СПбГУ. 212 с.

9. Сикевич З.В., Поссель Ю.А., Федорова А.А. (2022), К проблеме религиозной идентичности русских [To the problem of religious identity of Russians]. Религиоведение. № 4. С. 80-92.
10. Сикевич З. В., Федорова А. А. (2021) «Мы» и «они»: динамика социальной дистанции «Россия - Запад» в реальном и виртуальном пространстве [«We» and «they»: the dynamics of social distance «Russia - West» in real and virtual space]. Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 4(36). С. 78-97.

References

1. Berdyaev, N.A. (2000), Russian Idea. Moscow: Shevchuk. 540 p. (in Russian)
2. Voltaire: pro and contra, an anthology (2013), Comp., introduction and commentaries by A.A. Zlatoplskaya. Saint Petersburg: RCHGA, "Russian Way" (Section: Voltaire and Russian Semiramide). (in Russian)
3. Gordin, Ya.A. (2021), Russian man and the Caucasus. Three hundred years of war and peace. Moscow: IG Lenizdat. 624 p. (in Russian)
4. Gumilev, L.N. (2013), From Rus' to Russia. Moscow: Eksmo. 384 p. (in Russian)
5. Kotov, V.N. (1963), K. Marx and F. Engels about Russia and the Russian people. Moscow: Znanie. 66 p. (in Russian)
6. Lenin, V.I. (1970), Complete Collection of Works. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. V.45. P.210. (in Russian)
7. Likhachev, D.S. (1990), On the National Character of Russians. Questions of Philosophy. No. 4. p. 14. (in Russian)
8. Sikevich, Z.V. (2012), Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Press. 212 p. (in Russian)
9. Sikevich, Z.V., Possel, Y.A., Fedorova, A.A. (2022), To the problem of religious identity of Russians. Religion Studies. No. 4. pp. 80-92. (in Russian)
10. Sikevich, Z.V., Fedorova, A.A. (2021), "We" and "they": the dynamics of social distance "Russia - West" in real and virtual space. Sociological Science and Social Practice. V. 9. No. 4(36). pp. 78-97. (in Russian)

Информация об авторе

СИКЕВИЧ Зинаида Васильевна, доктор социологических наук, профессор, Факультет социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: sikevich@mail.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.09.2023. Одобрена после рецензирования: 28.09.2023. Принята к публикации: 17.10.2023. Опубликовано: 31.10.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Zinaida V. SIKEVICH, DSc (Soc.), professor, Faculty of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg State University», Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: sikevich@mail.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflict of interest.

Article info

Submitted: 15.09.2023. Approved after peer review: 28.09.2023. Accepted for publication: 17.10.2023. Published: 31.10.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.